

Илья Кнабенгоф

Слипер и Дример

ЛитРес: Самиздат
Москва

УДК 82-312.9
ББК 84(2)6
К53

Кнабенгоф И. Л.

Слипер и Дример / И. Л. Кнабенгоф — Москва: ЛитРес:
Самиздат, 2020. — 624 с.

ISBN 978-5-532-04885-0

Книга основана на опыте автора в практике осознанного сновидения. События, пережитые там, связаны в единый сюжет и дополнены забавными речевыми оборотами, собранными от разных маленьких детей. Книга рассказывает о приключениях друзей в разных мирах, благодаря которым они из странных попутчиков становятся не только близкими друзьями, но и одним единым существом. В ходе повествования есть много завуалированных мудростей из буддизма и ведической культуры. Это очень смешная сказка, которая, на поверку, является описанием нашей вселенной и главных целей и задач в ней. Содержит нецензурную брань.

ISBN 978-5-532-04885-0

© Кнабенгоф И. Л., текст, 2007
© Omiko Trading LTD., оформление, 2020

*Если бы ночью тёмной вам снились,
Сны б мои снились —
Вы бы сошли с ума!
Группа «Uma2rmaH»*

Вот чё, друже мои, имейте сразу в своём ясном виду: перво-наперво, при написании этой книги много и дофига кто на чём пострадал. Да вы енто и сами узнаете, как только прочитаете «второ-навторово», а затем саму книгу. Дык вот, второ-навторово: все события и личности, встречающиеся в этой книге, ни в коем разе не случайны и имеют самые что ни на есть полные совпадения по всем статьям, как и всё, что вы пережили сами в своей жизни, как и всё, что ждёт вас в вашем будущем. И наконец третье: триетить мою налево!

«Вы что там все, крышей... поехали?!» © Гагарин

Много есть в мире разных историй. По сути, весь мир и есть эти самые истории, слегка растянутые во времени. И все мы участвуем в этих историях, являемся героями этих эпосов, поэм, повестей, рассказов, заметок. И нет в мире такой истории, которая не произошла бы на самом деле – в своё время, в своём месте. Любая ситуация, которую вы только можете себе вообразить, уже существует во вселенной в самом что ни на есть явном виде, чтобы потом быть рассказанной. Где-то тут, когда-то здесь. Там и сям. Начиная писать эту книгу, автор ни в коей мере не хотел претендовать на исключительность, оригинальность и всякие подобные выверты и заворачивания, что так ценятся среди различных маститых писателей и искушённых поглотителей чтива. Мне это кишкокручение ни к чему не сдалось. Перед вами такая же обычная история о братанах и друганах, кои случаются во множественном числе по всему свету. На самом деле, герои этой книги вовсе даже и не братья. Но если посмотреть с глобальной точки зрения, то все мы брателлы друг другу, а с позиции просветлённого разума между всеми нами вообще нет никаких различий, посему идея братства становится естественной и...

Похоже, я заговорился, и вообще всё это слишком сложно воспринимать с утра, не позавтракав. Просто мне пришла в голову отличная идея для книги. Но идея так коротка, вы же знаете: пара слов в беседе, и ты уже выдал всё, что являлось результатом многочасовых, а порой и многолетних раздумий. И хлопаешь себя по лбу, или по чему придётся:

– Вот, ёктить, это же моя самая лучшая мысль за последнее время, а я даже не выдержал хорошей театральной паузы, прежде чем разболтать её!

Теперь вы понимаете, что передо мной стоит совершенно невыполнимая задача: написать эту книгу и не выдать до самого конца идею, по поводу которой она явлена на свет. Все мы знаем, как жжёт

язык секрет, который до поры нельзя открывать друзьям. И как он рвётся наружу. И мы, стискивая зубы, чувствуем себя партизанами на допросе. Войдите в моё положение, поймите: я во время написания этой книги буду чувствовать себя именно так. Партизаном. Или дедом Мазаем, истосковавшимся по крольчатине. И самое главное, учитывая мою не самую лучшую память, я рискую и вовсе забыть эту самую идею в течение того времени, пока буду писать эту книгу. Так что не обессудьте. И не в судях будете.

Пишу я медленно, ибо вовсе не профессионал и процесс постукивания по клавишам компьютера зависит у меня от многих факторов. От свободного времени, коего всегда нет. От настроения, которое в Питере меняется вместе с погодой по пять раз на дню. От полного незнания того, о чем писать дальше, и т. д. И о самой книге хочется заранее кое-что сказать, уважаемые читатели. А скажу вот чё: как только вам покажется, будто я ошибся в правописании какого-либо слова, так сразу понимайте, что ошиблись в[ы]. То есть никаких грамматических ошибок в книге нет. Возможно, будет вам всячески мерещиться, что названия глав этой книги порой не имеют никакого прямого отношения к смыслу изложенного в этих самых главах, но таки оно, это отношение, есть. Смысл просто петляет между строк. Как зайчик-попрыгайчик. И его нелегко поймать и уловить. Тем паче, коли вы завели себе привычку размышлять напрямик, предпочитая неизведанным тропинкам собственных мозгов ухоженную автостраду общественного мнения. Да и герои этой книги живут своей жизнью. Вмешиваться в их судьбу мне как-то не с руки. Так что я просто решил записывать всё, что с ними будет происходить, а там уж как поведётся – а точнее, куда они меня заведут за собой. И если вдруг я не выдержу и выдам секрет раньше времени, если вы увидите, что книга несколько короче, чем радостно ожидалось (мне же придётся её закончить, как только тайна раскроется), – простите меня, ибо пробрало меня и понесло. Или наоборот? И вообще, эта книга – не для людей, не для читателей. Эта книга для нас. Для тех, кто однажды проснулся в Лесу.

Зайчишка-припрыжка. Зайчушка-попрыгушка. Зайчик-попрыгайчик. Заяц-попрыгаец. А вам не кажется, что слово «попрыгаец» уже звучит пугающе чужестранно и может означать совсем не милого изначального зайчишку? А грань -то была так тонка, и переход столь незаметен...

Попрыгаец

Я сидел кружком и ждал. А потом всеми своими четырьмя лёг во все стороны. Несколько секунд как будто ничего не происходило. Вдруг внутри что-то неувовимо щёлкнуло, пискнуло, и писк этот стал стремительно набирать громкость. И всё началось. Звуки сомкнулись вокруг. Всё стало гулким. Уши заложило. Пространство сузилось и обтекло все мои пока ещё разделённые тела по краям. Затем всё вокруг и внутри меня медленно, с нарастающей скоростью, двинулось. Так поезд порой незаметно трогается с вокзала, пока вы увлечённо разговариваете с попутчиками. «Ой, смотрите, а мы уже поехали!» – «Да ну?»

Так и здесь. Незаметно. Двинулось. Сначала прямо. А потом ноги стали тяжелеть и пошли вниз. И всё начало куда-то падать по наклонной скользкой плоскости, словно разгоняющиеся сани бабского слея по ледяному водосточному жёлобу. Ощущение скорости росло и росло. Разгоняющиеся сани. Разгоняющийся автомобиль. Разгоняющийся самолёт. Разгоняющаяся ракета. Разгоняющееся что? Скорость становилась совершенно неопиуемой. За границами обтекаемого, превратившегося в снаряд из мутного пластика, единого теперь тела всё слилось в непрерывный, неразличимый поток. И только меняющиеся перегрузки свидетельствовали о том, что в движении происходит смена направления. Как сквозь сон до слуха доносились чьи-то далёкие переговоры по радиии, обрывки проноссящейся мимо музыки, смех, кусочки ругани... То, среди чего летело моё тело, иногда менялось. Ощущение скользкого льда плавно перетекало в чувство движения сквозь глубокие толщи воды, а затем всё срывалось с какого-то невидимого края в бездну вертикальной стеклянной шахты. Желудок зависал в горле от внезапной невесомости, но плавный выход из вертикального падения в спиральную дугу заставлял все органы внутри тела опять прильнуть к позвоночнику. Кривизна поворотов увеличивалась, перегрузка нарастала. Невидимый и неувовимый разумом лабиринт кружил меня по своим тоннелям. Тяжесть давила всё сильнее. Медленно, но неумолимо. Вода.

Жар огня. Опять скользкий лёд. И так долго. Всё это было очень долго. Менялось всё вокруг. Менялся я. Менялось тело. Менялось сознание. В какой-то момент внезапно позабылось, где я, шо я цэ такое и зачем. Позабылась вся прошлая жизнь с её нелепостями. А что было до того? Что было вообще до жизни? И что есть такое эта самая жизнь? Это тоже забылось. О будущем подумать было просто нечем. Только одно всепоглощающее Сейчас. И два чётких ощущения. Плавность и немыслимая дикая скорость. А потом, когда я потерял счёт времени, скорость стала падать. Замедление. Тянущееся медленное торможение. Затем то, во что превратилось моё тело во время этого сумасшедшего путешествия, скользнуло, словно капсула, в смутно ощущаемое гнездо. Невидимые и непонятные пазы влезли в какие-то соответствующие им невидимые и непонятные желобки. Что-то мягко сомкнулось со всех сторон. Полная остановка. А затем кокон моего тела раскрылся лепестками, словно цветок, во все стороны. И я ослеп от внезапного яркого света. Винт хвостами. Прыг-скок.

В больно синем висю, где хрипещут лосины

– Здоровеньким будь, Слипер!

– Сколько осеней, Дример!

«Слипер и Дример. Добро пожаловать. Заходите как хотите». Вывеска на доме слегка уже поистерлась, как и сам Дом. Кусты вокруг Дома смыкались ровными рядами солдатских шеренг и расходились во все стороны кругами, превращаясь в большие деревья. Конца и края Лесу не было. По крайней мере, так гутарили местные его жители, ибо никто этого самого края не видел, и даже боялись предположить, что же он собой представляет. По тому, как Дример иногда пел «...край суровый, тишиной помят», они понимали, что край ентот – не совсем дружелюбная штукавина и разумению не подлежит. Разумение с потолка вторило: «Не подлежал со мной этот край ни под, ни над. Разные тут и лёживали рядышком, и надлежали, но краю вашего не видало я». Ну и оставили его как есть.

Мы, дорогой читатель, улыбнулись, ибо знаем: разве ж останется нами в покое то, чему нет нашего объяснения?

– Ни за что! – мявкнула Терюська.

Братья Слипер и Дример были единственными, кого Лес хоть как-то слушался. Но кто же из нас не горит желанием иногда немного почудачить? Поэтому и Лес вёл себя иногда совершенно безответственно, путал дороги, плутал сам, запутывался вовсе и жалобно звал Дримера или Слипера, чтобы те развязали его из собственных запуток.

В целом всё было неплохо, жили все мирно, с прибабаками и тараканами, каждый со своими. Чудачили-магичили кто во что уго-раздился.

Прибабахи вытаскивали на свет в редких торжественных случаях, а по будням держали их в сундучке, где-нибудь на чердачке или в погребе, чтоб не испортились. Тараканы прятались сами.

У Слипера и Дримера прибабахов не было вовсе, али скрывали тщательно, но они были челобреками настолько древними с точки зрения относительного пребывания лесного, что все остальные уважительно качали головой и понимали вслух: «Склероз! Потеряли, видать, уже давно. Много кто свои прибабахи почем зря теряет, за тараканами бегая».

А братья были действительно очень ископаемыми в местном биологическом смысле. Копать в них никто не собирался, верили на слово. Наверное, они были древнее, чем сам Лес. По крайней мере, никто из жителей не помнил времени, когда бы здесь и тут не было Слипера и Дримера. Да и в целом, и вообще мало кто чего помнил в Лесу. А что без них тут было бы, без братьёв-то? Запутки так и рыскали по лесу, а попадётся – не всегда и выберешься. Могли и до коликов запутать. Колючие были и запутные – жуть! Шёл себе путник, а стал запутник. И привет комсомольский непутёвый. А могли и вовсе зашекотать до уржачки несусветной. Тогда только звать братьев и оставалось. Только так Вселенская Ржа и отступала до поры.

Разные эти самые братья были по своему внешнему облику. Один, который Дример, всё смурной ходил да сурьёзный, всё любил неброское надеть, серенькое да затасканное. А ежели ещё и дырки на футболке да штанах образовались, то и вовсе комфортно ему казалось. Непритязательный во всём был сей товарищ. Ел что ни попадя. Иногда, задумавшись о чём-то, Белку-Парашютягу сцапает на лету и в рот! Та в голос орать возмущённо – дык, типа, мол, жрут-с на ходу, нехристи! Дример только буркнет: «Пардон, мадам», – да и выплюнет, идёт дальше. Спал, бывало, на полу, из принципу да упрямства, мол-де «лишнее это всё... перины там... пуховые подушечки... кренделя на вывертах... Ближе надобно к народу быть!» Правда, к какому народу – не уточнял. Сторонился политики, сознательный был гражданин. Ходить любил босым. Обувь надевал редко, да и та была особливая, авторской работы – то сандалики на меху, то сапоги с вырезом для пальцев. Шаркать любил и ходил неторопливо.